

О перспективах российской экономики

Несмотря на то, с 1999 по 2008 г. экономика России демонстрировала достаточно высокие темпы экономического роста - около 7% в год, только совсем недавно – в 2007 г. объемы производства в стране достигли уровня 1990 г. В 2008 г. ВВП России уже превосходил масштабы экономики советского периода, однако мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. вновь отбросил экономику Российской Федерации, фактически, к тому же самому уровню 1990 г.

В некотором смысле, с точки зрения количественных – объемных показателей страна уже 20 лет буксует и никак не может вырваться вперед. Между тем все эти годы другие страны не стояли на месте. Если исходить из того, что средний темп мировой экономики в этот период составлял около 3%, остальные страны в среднем за этот период приросли примерно на 80%. Таким образом, отставание российской экономики от развитых стран существенно возросло.

Все эти размышления о прошлом и настоящем не вселяют оптимизма, и может возникнуть ощущение, что мы отстали безнадежно и что у России, по большому счету, нет будущего. По крайней мере, ей не стоит претендовать на место в ряду наиболее развитых и успешных государств мира. Поводов для печали и пессимизма более чем достаточно - можно вспомнить также состояние нашей науки, состояние инфраструктуры, в особенности, дорог, крайне низкую продолжительность жизни и т.д. и т.п.

Тем не менее, объективный анализ требует инвентаризации не только минусов, но и плюсов. Необходимо понять общий баланс сил и условий, задающий в конечном итоге вектор и траекторию будущего развития.

Плюсов, на самом деле, также достаточно много, кроме того, как мы покажем ниже многие минусы, это в некотором смысле, в плане долгосрочного развития - тоже плюсы.

Главный позитивный результат прошедшего двадцатилетия – это то, что мы сейчас живем в принципиально иной экономической среде. И дело не только в том, что рынок и закономерности взаимодействия спроса и предложения определяют характер производства. Не только в том, что полки магазинов переполнены, и мы забыли о существовании дефицита. Крайне важно то, что за два десятилетия медленного движения по пути рыночных преобразований, под влиянием конкуренции и изменяющихся ценовых соотношений, существенно изменились требования к качеству продукции и услуг, требования к соблюдению технологической и деловой дисциплины, кардинально изменились приоритеты экономической политики.

В результате, несмотря на то, что в количественном плане наша экономика все еще где-то в районе 1990 года, качественный, в том числе и технологический уровень производства существенно выросли. Последнее утверждение может показаться странным, а кому-то даже абсолютно не соответствующим действительности. Тем не менее, попытаемся аргументировать свою точку зрения.

С одной стороны, действительно, страна утратила многие лидерские позиции в научно-техническом развитии, масштабы расходов государства на науку сократились

многokратно, уже нет прежнего мощнейшего ВПК, который был в состоянии бросать вызов не только США, но и всему миру. Все это так. Но необходимо вспомнить также, что прежнее военное и техническое могущество СССР базировалось на мобилизации всех самых лучших ресурсов страны, на жесточайшей эксплуатации всей экономики и достигалось, в том числе, за счет уровня и качества жизни населения. Следствием такого режима функционирования явилось глубочайшее структурно-технологическое неравновесие, выражавшееся в огромных разрывах технического уровня производства между военными и гражданскими секторами экономики. В результате, при производстве сопоставимых по качеству и даже более совершенных вооружений, та часть экономики, которая была призвана работать на людей и на саму экономику все больше отставала в техническом и организационном отношении от аналогичных секторов развитых государств. При этом плановый характер экономики и необходимость мобилизации ресурсов для решения стратегических задач сформировали специфическую институциональную структуру производства, характеризующуюся, с одной стороны чрезмерной концентрацией и созданием сверхкрупных заводов и фабрик, а, с другой, формированием на этих предприятиях огромного количества неспециализированных вспомогательных и обслуживающих производств. Все это существенно снижало эффективность и гибкость экономики. Необходимо отметить также, что структура цен, существовавшая в советской экономике, в частности заниженные цены на топливо, энергию и другие первичные ресурсы, также не способствовала экономии материальных затрат и эффективности производства.

Более того, высокая материалоемкость производства, постоянно нарастающий дефицит качественных ресурсов, стремление восполнить его за счет наращивания производства, в том числе массовых ресурсов, порождало замкнутый самовоспроизводящийся цикл роста затрат и инвестиций с крайне низкой отдачей и усугубляющейся нагрузкой на все факторы производства.

В этой связи важно понимать интегральный эффект качественных изменений в экономике, важно измерять его. Стоит заметить, что далеко не всякий макроэкономический показатель эффективности адекватно отражает качественные приращения в экономике. Например, рост производительность труда в советской экономике стабильно опережал динамику соответствующего показателя для большинства других стран, однако он скорее отражал количественную сторону производства, причем все в большей степени производства не конечной, а промежуточной продукции.

Показатель, в наилучшей степени характеризующий качественные изменения в экономике – это продуктивность экономики по первичным ресурсам. Под первичными ресурсами мы понимаем тот исходный материал, из которого, или с помощью которого производятся продукция и услуги. Действительно, искусственный материальный мир, который нас окружает, созданный руками человека, сделан из того или иного материала – из неких первичных материальных ресурсов. Все что нас окружает, сделано из камня, песка, металла, древесины, нефти, газа, угля и других ресурсов. Продукты питания – также материальные продукты – созданные на основе первичной продукции сельского хозяйства, охоты и рыболовства. Услуги, хотя сами и не являются материальным продуктом, не могут быть произведены без использования энергии, соответствующего оборудования, зданий, сооружений и т.д.

Чем больше экономика в состоянии произвести товаров и услуг из одного и того же количества первичных ресурсов, тем более она эффективна. Это простое соображение достаточно легко подтверждается экономическими измерениями. Если сопоставить количество продукции производимой на единицу использованных первичных ресурсов, например, для первого десятилетия текущего века, мы обнаружим, что в США он больше 10, в Японии около 9, в России около 6.5.

Следует заметить, что этот показатель изменяется достаточно медленно – в среднем темпом около 2% в год. Так Япония имела уровень продуктивности равный современному российскому примерно 25 лет назад, США – более 30 лет назад. В некотором смысле – это и есть временной показатель нашего технологического и общеэкономического отставания. Развиваясь в качественном отношении средним для мировой экономики темпом, мы сможем достигнуть современного технологического уровня США и Японии через 25-30 лет.

Двадцать пять – тридцать лет это действительно много и это плохая новость, хотя, видимо, для большинства специалистов вполне ожидаемая. Хорошая новость состоит в том, что даже в период экономического спада 1991-1998 гг. показатель продуктивности по первичным ресурсам в российской экономике стабильно увеличивался, причем быстрее, чем в США и Японии. Если удастся и в дальнейшем сохранять опережающую динамику продуктивности сокращение разрыва возможно в существенно более короткие сроки.

В то же время следует подчеркнуть, что рост продуктивности того периода был связан не с инвестициями, не со строительством новых эффективных предприятий, а с рыночной выбраковкой неэффективных производств. Не случайно, что этот рост эффективности сопровождался более чем 40-процентным спадом производства. Масштабное сокращение производства в известном смысле стало платой за переход к рыночным отношениям и повышению эффективности производства. Это переход, безусловно, был необходим, достаточно сказать, что в 1980-1986 гг. в советской экономике рост продуктивности производства полностью остановился, что означало исчерпание потенциала развития существовавшей тогда системы. Впрочем, судя по опыту Китая, столь высокая плата за переход к рынку не была обязательной.

Вся это достаточно длинная историческая преамбула, посвященная перспективам российской экономики, была необходима для того, чтобы показать состояние и взаимосвязь двух составляющие экономического роста и экономического развития, а именно количественной составляющей и качественной.

Итак, в части количественной составляющей мы имели почти десятилетний спад производства в конце 80-х, начале 90-х годов, затем восстановительный рост, который прервался кризисом 2008-2009 гг. Итог – уровень производства примерно 1990 года.

В части качественной составляющей роста, в конце 70-х, 80-х годах прошлого века тогдашняя советская экономика вошла в ступор, который был несколько смягчен началом рыночных реформ 1987 г., а затем, по итогам радикальных реформ 90-х годов привел к такой рекомбинации производительных сил, сопровождавшейся обвальным спадом производства, которая восстановила нормальную (по мировым нормам) динамику повышения удельной продуктивности производства.

Итог – уровень продуктивности российской экономики в настоящее время превышает уровень продуктивности 1990 г. более чем на 50%. То есть из одного и того же количества ресурсов, современная российская экономика в состоянии произвести в

1.5 раза больше продукции, чем в прежние времена. Или, другими словами, современная российская экономика производит тот же объем конечной продукции, что и в 1990 г, затрачивая в 1.5 раза меньшее количество первичных ресурсов. Согласимся, что это весьма существенное различие, тем более, что, например, Япония за этот же период увеличила аналогично измеряемую продуктивность только немногим более чем на 40%.

Конечно, здесь необходимо дать проясняющий комментарий.

Во-первых, значительная часть приращения продуктивности по первичным ресурсам, измеряемой применительно ко всей экономике, связана с изменением структуры производства. Чем большую долю в ВВП занимают менее материалоемкие отрасли, как, например, сфера услуг, тем выше общая продуктивность. И в России мы наблюдаем существенное увеличение доли услуг, в особенности так называемых рыночных услуг.

Во-вторых, фактом является то, что во многих отраслях российского ВПК технологический прогресс в годы реформ резко затормозился. В то же время процесс рыночной выбраковки привел к существенному относительному повышению технологической уровня и технологической однородности гражданской экономики. В этом же направлении работали довольно значительные объемы инвестиций в гражданские сектора экономики, осуществленные в десятилетие восстановительного роста.

Сочетание двух этих процессов и обусловило относительно быстрый рост продуктивности российской экономики в предшествующее двадцатилетие.

И все же необходимо вернуться к главному вопросу - что же ожидает российскую экономику дальше? Именно этот вопрос является сегодня наиболее актуальным. Учитывая особенность момента в первую очередь, видимо, необходимо в начале сказать несколько слов об итогах последнего кризиса.

Главное, на наш взгляд, состоит в том, что этот кризис был чрезвычайно полезен и поучителен для российской экономики. Экономика стала существенно более осторожной и осмотрительной. Теперь уже никто не будет нестись вперед сломя голову - уровень страхования рисков и степень просчитанности вариантов и последствий возрастут многократно. И это хорошо. Мера надежности и устойчивости российской экономики с этим опытом значительно увеличилась. В этот раз сильно помогло государство, в следующий - столь масштабной поддержки, возможно, уже и не потребуется.

В течение одного – 2010 г. экономика практически полностью восстановилась – по крайней мере, в последние месяцы этого года объемы промышленного производства превысили среднегодовые значения предкризисного 2008 года. Доходы населения в кризис, благодаря мерам правительства, вообще не снизилось. К концу года резко активизировалась инвестиционная деятельность, и хотя объемы инвестиций еще не достигли предкризисного уровня, этого можно ожидать в ближайшие месяцы.

Можно вспомнить, что весь период кризиса и период выхода из него в значительной части экспертного сообщества сохранялись негативные ожидания, начиная от предсказаний 30% сокращения производства и кончая второй волной кризисного спада. Как мы видим, ничего этого не произошло. Кризис был серьезным, но экономика относительно быстро восстановилась. И здесь возникает вопрос – будет ли этот рост, который наконец-то стал всем очевидным, подхвачен новой волной, не

связанной с восстановлением просевшего производства и основанной на естественном всплеске инвестиционной и деловой активности.

Все еще достаточно распространена пессимистическая точка зрения по этому поводу. Она исходит из того, что одним из основных движителей экономического роста в предкризисное десятилетие явилось интенсивное развитие системы кредитования, основанной на использовании вторичных финансовых инструментов, так называемых деривативов. В известной степени это так. Но, во-первых, деривативы никто не запрещал, а известные ограничения по их использованию являются естественной реакцией на кризис. Во-вторых, мировая финансовая и экономическая система все же постепенно находит решения, позволяющие с одной стороны сохранить возможности использования современных финансовых инструментов, а, с другой, снизить риски неконтролируемого негативного развития кризисных явлений.

Еще один источник пессимизма – негативная оценка в части экспертной среды качества современных российских институтов.

Однако фактом является то, что по мере выхода из кризиса пессимизм относительно перспектив развития мировой экономики стабильно уменьшался и увеличивался оптимизм. Достаточно сказать, что оценки роста мирового ВВП в 2010 г. Мировым валютным фондом выросли с 1.9% в апреле 2009 г. до 2.5% в июле 2009 г., 3.9% - в январе 2010 г. и 4.8% в октябре.

Что касается России, то все еще достаточно низкий по меркам развитых стран уровень развития системы кредитования позволяет утверждать, что расширение кредита и совершенствование финансовой системы по-прежнему остаются важнейшими факторами роста российской экономики. Верно также и то, что институциональное устройство общества и экономики не стоит на месте. С 1998 по 2011 г. в этом отношении Россия проделала большой путь. Институциональная инфраструктура функционирования рынков существенно улучшилась. Причем можно утверждать, что чем выше экономическая динамика, тем выше темп институциональных изменений, тем в большей степени институциональная среда становится фактором экономического роста.

Но, все же, не это не единственное, что предопределяет возможность нового периода динамичного развития для экономики России.

К числу других важнейших факторов, формирующих внутреннюю энергию развития можно отнести следующие.

1. *Огромные запасы ресурсов, включая ресурсы пространства*, которые создают мощный поток инвестиций, поддерживаемый нарастающим внешним спросом. Мировая экономика будет расти: огромные Китай и Индия уже почувствовали вкус современного качества жизни и не откажутся от претензий жить не хуже Европы и даже Америки. А впереди еще Африка, она еще не сказала своего слова.

Даже в текущем, посткризисном году, мировая экономика, отягощенная огромным шлейфом финансово-экономических проблем, показала почти 5% прироста производства. Дальше может быть больше, но в любом случае в среднесрочной перспективе в среднем по миру ожидается не менее 4% роста в год. Это много, это означает, что потребление первичных ресурсов в мире должно увеличиваться ежегодно примерно на 2%. Применительно к сырьевым ресурсам это тоже много.

В этой связи нам не кажется уместными стенания по поводу ресурсного проклятия России, а также ожидания стремительного перехода к инновационному пути

развития. Всею свое время. Между тем именно ресурсопроизводящие отрасли становятся важнейшим каналом, формирующим поток инноваций в современную российскую экономику. Очевидно, что можно пользоваться только теми инструментами и теми возможностями, которые есть в наличии. Все остальное необходимо создавать, и на это требуется время и деньги.

2. *Образовательный и культурный потенциал страны*, адаптировавшийся к рыночным условиям и превратившийся в источник бизнесактивности значительной части населения, все в большей мере становится реальной движущей силой развития российской экономики. Несмотря на издержки и огрехи нашего современного образования, образование и даже высшее образование становится культурной традицией России. Все или практически все стремятся и будут иметь высшее образование. Фактически, в образовательной сфере мы пытаемся жить и живем по стандартам развитых стран Европы и Америки. И это создает некий специфический строй жизни, в которой с самого начала задается высокая планка. И это планка не только и не столько уровня образования, сколько планка уровня притязаний. Как барон Мюнхгаузен мы пытаемся вытащить себя за волосы (за голову), и, может быть, нам это удастся. Сырьевое богатство и пространство, на котором можно развернуться, помноженные на высокий уровень образования не могут не создать соответствующей синергии развития.

3. Но, может быть, *самое главное, что задает импульс ускоренному развитию в России – это наличие пространства для количественного и качественного роста.*

В данном случае имеется в виду не территория, не географическое понятие, а понятие абсолютно экономическое, связанное с концепцией насыщения. Суть ее состоит в том, что большинство человеческих потребностей характеризуется определенным уровнем насыщения. Например, уровень душевого потребления продуктов питания, товаров длительного пользования и даже услуг имеет свои естественные количественные границы. Эти границы не всегда можно оценить точно, они могут различаться по странам, они, безусловно, существенно различны применительно к отдельным индивидуумам или домашним хозяйствам, эти границы могут меняться в зависимости от изменения качества и структуры товаров и услуг. Но применительно к большим совокупностям людей, например, к населению страны всегда можно наблюдать закономерность, состоящую в S – образном характере кривой, описывающей удельные характеристики потребления тех или иных видов товаров и услуг. Так, в США, например, в течение почти столетия количество легковых автомобилей на 1000 человек увеличивалось, достигнув к началу 80-х годов прошлого века более 500 автомобилей. Затем рост уровня обеспеченности остановился и даже несколько снизился. В настоящее время он не превышает 480 автомобилей на 1000 жителей. Аналогичные процессы наблюдаются и в других развитых странах. Заметим, что уровень обеспеченности автомобилями в России в настоящее время составляет немногим более 200 автомобилей на 1000 жителей. Еще более существенным отставание от развитых стран по уровню жилищной обеспеченности.

Таким образом, у нас, в отличие от развитых стран, просто есть куда расти. Разрывы, отставание в уровне жизни и технологиях производства, достаточно велики, но, на наш взгляд, абсолютно преодолимы. Относительно быстрое преодоление этих разрывов возможно, в том числе и потому, что эти товары, эти технологии, это качество

уже созданы, уже существуют, стоит только воспроизвести все это в необходимых объемах.

Здесь важно отметить, что наличие пространства для роста является важнейшим, необходимым, но недостаточным условием для ускоренного экономического развития. Наибольшим потенциалом для роста в рассматриваемом смысле обладают беднейшие страны планеты, например, государства Африки. Однако даже наличие природных ресурсов не всегда гарантирует возникновение значимых импульсов роста. Более того, слишком низкий уровень экономического развития, который, как правило, сопровождается крайне низким уровнем образования и отсутствием производственной, технологической и деловой культуры становится непреодолимым барьером к экономическому росту.

Необходимо сочетание целого ряда дополнительных условий, к числу которых, безусловно, относятся, уровень образования, технологическая культура, наличие производственной инфраструктуры. В России все эти условия есть. Однако, экономическое развитие не является автоматически реализующимся феноменом. И для того, чтобы наполнить потенциальное пространство роста действительными приращениями в производстве и уровне жизни необходимы регулярные усилия и целенаправленная политика.

Тот потенциал, те возможности, которыми обладает Россия наряду с пространством для количественного и качественного роста производства позволяют утверждать, что российская экономика в течение достаточно длительного периода времени в состоянии расти темпами 7-8% в год. Меньшие и, тем более, существенно меньшие темпы экономического роста будут означать лишь низкое качество управления.

Что касается экономической политики то здесь, на наш взгляд, важно отказаться от финансового фетишизма и направить имеющиеся финансовые накопления государства на инвестиционные нужды и поддержку тем секторам экономики, которые в состоянии генерировать рост производства. Стремление в кратчайшие сроки сбалансировать бюджет и перейти к практике бюджетного профицита губительно для экономики и может обречь ее на длительную стагнацию. Если говорить о количественных целевых ориентирах экономической политики, то они должны состоять не столько в снижении бюджетного дефицита, сколько в увеличении нормы накопления и повышении темпов экономического роста.

Таким образом, фактически, перспективы российской экономики в решающей степени зависят от характера экономической политики. Диапазон возможных темпов роста достаточно широк. Целенаправленная политика стимулирования роста в состоянии обеспечить динамику близкую к тем показателям, которые сейчас демонстрируют Китай и Индия. Чрезмерный же финансовый и институциональный алармизм и не желание видеть того, как стимулирование производства сегодня порождает доходы бюджета завтра, обрекают Россию на унизительные 2-3, максимум – 4% экономического роста в год.